

Ответ, который дал Инь Цичи, оказался слишком абстрактным, из-за чего белая лиса приняла его за издевательство.

Инь Цичи крепко сжимал её за загривок, прямо там, где зияла рана; из-за тяжелых повреждений в сочетании с пронзительной болью лиса была совершенно не в силах вырваться.

Тем не менее, белая лиса не собиралась сдаваться без боя. Её узкие, раскосые глаза затуманились влажной пеленой, и она с немым упреком, словно жалуясь на жестокую судьбу, уставилась на Инь Цичи.

Инь Цичи некоторое время молча смотрел на неё в ответ.

Сердце лисы дрогнуло: она решила, что её чары подействовали, и в красивых лисьих глазах медленно заблестели слезы.

Прозрачные капли вот-вот готовы были сорваться вниз, и выглядело это крайне жалостливо.

Инь Цичи мягко произнес:

- Какая милая лисичка, так и хочется сделать из тебя шарф.

Белая лиса опешила.

Что за чушь он несет? Разве может человек быть таким?

Она прекрасно разбиралась в людских сердцах и понимала: этот тип, что схватил её, вовсе не шутит.

Он действительно способен воплотить эту угрозу в жизнь!

Белая лиса перевела взгляд на другого человека.

Пусть его аура и казалась неприметной, лиса уже на собственном горьком опыте убедилась в его силе и знала, что перед ней вовсе не простой смертный.

И уж точно не какой-то там культиватор низкого уровня.

Человек в белом одеянии был куда сильнее того, кто держал её, а лицо его оставалось холодным и бесстрастным – казалось, разжалобить его будет практически невозможно.

Впрочем... белая лиса тихо выдохнула с облегчением.

Подобных культиваторов она встречала немало: праведные, справедливые, но при этом до ужаса занудные.

Ради спасения душ остальных запертых женщин он непременно согласится на её условия.

Взгляд белой лисы метался между ними.

Внешность этого господина и его слуги была поистине редкой для этого мира. Настанет день, когда её мастерство достигнет абсолютного совершенства, и тогда она поглотит их обоих без остатка!

А затем она вырвет их сердца и печень, чтобы с наслаждением ими полакомиться!

Уж кто-кто, а лисы-демоны – самые злопамятные существа на свете!

Белую лису затащили в комнату на постоялом дворе. Первое, что бросилось ей в глаза, были души двух женщин, запертые в магической формации, и в глубине души лиса ликовала:

«Дело в шляпе!»

Хотя Цзян ХаньЯ и намеревался воспользоваться способностью лисы создавать иллюзии, в делах существовали свои приоритеты, и он решил, что прежде всего нужно спасти людей.

Эти двое попались ему совершенно случайно, а ведь пострадавших, несомненно, было гораздо больше.

Белая лиса с первого взгляда раскусила его намерения, и прежний испуг сменился невозмутимым выражением морды.

- Сколько всего подобных иллюзий ты создала? – спросил Цзян ХаньЯ.

Белая лиса взглянула на него, и из её пасти вырвался кокетливый смешок, до боли напоминающий смех человеческой женщины:

- Ой, вы двое так напугали эту скромную рабыню, что она совсем всё позабыла.

Взгляд Цзян ХаньЯ мгновенно похолодел, и белая лиса тут же поспешила добавить:

- Жизнь этой рабыни гроша ломаного не стоит, если пожелаете – забирайте её себе, но как же прискорбно думать о тех многих женщинах, что вынуждены мучительно бороться в плену иллюзий. Ах, это так печально!

Она говорила нарочито притворно и лицемерно.

И, как она и рассчитывала, Цзян ХаньЯ на мгновение замешкался.

Он медленно, задумчиво нахмурился.

Белая лиса втайне усмехнулась.

Против подобных культиваторов праведного пути у неё всегда имелись проверенные способы.

Но как раз в тот момент, когда лиса собралась выдвинуть свои условия, её внезапно снова дернули за загривок.

- Не нужно его спрашивать, - Инь Цичи подумал, что даже в таком замешательстве Цзян ХаньЯ выглядит очень мило. - Предоставь это мне.

- У меня есть один способ.

Цзян ХаньЯ, уже успевший воочию увидеть мощь высоких технологий, едва заметно кивнул.

- Хочешь применить технику поиска души? - белая лиса по-прежнему чувствовала себя вполне уверенно. - Что ж, ищи. Только эта рабыня должна предупредить: пока я буду сопротивляться, даже если ты проведешь поиск души, то не сможешь обнаружить местонахождение тех несчастных женщин.

И уж тем более ты не сможешь проникнуть внутрь, чтобы спасти их.

Это всего лишь метод запугивания, привычный для культиваторов, и она не собиралась на это покусаться.

Однако того яростного противостояния, на которое так рассчитывала лиса, не последовало.

Ни двое людей, ни две души в комнате даже не вздрогнули от её слов.

Напротив, молодой господин в белом даже слегка усмехнулся.

Непонятно почему, но в сердце белой лисы начало медленно нарастать тревожное беспокойство.

Инь Цичи просто поднес её к датчику мозговых волн и зафиксировал положение.

- Давай, - позвал он Цзян ХаньЯ. - Посмотрим вместе.

Деревянный стол в комнате постоялого двора был завален всевозможными странными вещами, а то, что не поместилось на столе, было аккуратно сложено прямо на полу.

До этого момента белая лиса была слишком занята спасением собственной шкуры и совершенно не обращала на это внимания.

В этих предметах не ощущалось никакой духовной энергии, так что, должно быть, это были просто обычные мирские вещицы, которые никак не могли повлиять на такого демона, как она.

Но теперь, когда экран внезапно загорелся и по нему стремительно забегали совершенно непонятные ей символы, у лисы появилось очень дурное предчувствие.

- К чему такая черствость? - произнесла белая лиса. - Если вы двое согласитесь поклясться своей культивацией, что отпустите эту рабыню, я не только с этого дня встану на путь исправления и больше не буду творить зло, но и помогу освободить всех тех женщин.

Однако никто не обратил на неё ни малейшего внимания.

Двое культиваторов, которые, по её расчетам, должны были подыграть в её маленьком представлении, смотрели прямо сквозь неё, словно она была прозрачной.

Инь Цичи быстро и ритмично стучал по клавишам, не отрывая взгляда от экрана, и время от времени с легкой улыбкой объяснял Цзян ХаньЯ принцип работы устройства.

Цзян ХаньЯ понимал лишь примерно половину из сказанного, но не мог удержаться от того, чтобы не смотреть на самого Инь Цичи.

Холодный свет экрана падал на лицо Инь Цичи, и его невероятно уверенные, умелые движения делали его похожим на истинного короля, повелевающего этими сложными машинами.

Стоит признать, что это зрелище было по-настоящему притягательным.

Семейный уклад клана Цзян всегда отличался прагматизмом, и Цзян ХаньЯ, будучи полноправным членом клана Цзян, тоже был убежденным прагматиком.

Точно так же, столкнувшись с высокими технологиями из иного мира, он не стал, подобно многим другим, клеймить их как «низкие уловки», пытаться подавить или принизить их значимость.

Если вещь была полезна, значит, она была полезна – и точка.

Слепое подавление, принижение и отторжение полезных инородных инструментов лишь ради сохранения собственной так называемой исключительности никогда не было в духе клана Цзян.

Однако эта прагматичность касалась не только материальных благ; в вопросах чувств Цзян ХаньЯ был столь же практичен и расчетлив.

Цзян ХаньЯ никогда не склонял головы перед слабыми; путь боевых искусств всегда был жесток, и те, кто был слаб, легко погибали от самых разных случайностей.

Даже если им и удавалось выжить, продолжительность жизни слабых не шла ни в какое сравнение с долголетием сильных.

Слабые были недолговечны, и потому он не тратил на них ни своего внимания, ни своих чувств, чтобы в конечном итоге, когда те неизбежно умирали, всё не превратилось в пустоту.

Лишь на тех, кто был способен пройти достаточно долгий и трудный путь, подобно ему самому, он обращал внимание чуть дольше.

Та книга пророчеств заставила Инь Цичи попасть в поле его зрения, и все последующие проявления Инь Цичи полностью соответствовали ожиданиям Цзян ХаньЯ.

Он начал постепенно уделять всё больше и больше внимания человеку, который сейчас находился перед ним.

Управление этими машинами для Инь Цичи было сущим пустяком, почти автоматическим действием.

Честно говоря, если бы он не лишился своего прежнего тела, то справился бы с этой задачей

еще быстрее.

Подключить интерфейс, вызвать базу данных, запустить анализ процессора, настроить автоматический ввод.

Весь этот процесс можно было завершить менее чем за пять минут.

Десятью пальцами он быстро и четко стучал по клавиатуре, при этом умудряясь время от времени отвлекаться на Цзян ХаньЯ.

Это был поистине неожиданный и приятный подарок.

Инь Цичи слегка улыбнулся.

Кажется, он наконец понял, с какой стороны стоит подступиться к Цзян ХаньЯ.

Таких людей, как Цзян ХаньЯ, Инь Цичи раньше никогда не встречал, поэтому поначалу совершенно не знал, как с ним взаимодействовать.

Инь Цичи мастерски умел распознавать чужую злобу и избегать её, привычно и постоянно остерегаясь ударов в спину.

В том мире, где он жил до своего перемещения, не было места невинности или доверию – все изо всех сил боролись за выживание.

Но людей было слишком много, а еды и ресурсов катастрофически не хватало: если ты забирали себе чуть больше, другому обязательно доставалось меньше. В итоге люди вступали в жестокие схватки, превращаясь в настоящих диких зверей, которые вгрызались друг в друга, готовые убить любого, лишь бы дожить до завтрашнего дня.

Инь Цичи считал это абсолютной нормой жизни.

Он вырос в таком месте с самого раннего детства и не видел в этом ничего предосудительного или неправильного.

Мир был таков, какой он есть, и в этом не было никакой проблемы.

Но Цзян ХаньЯ приводил его в полное замешательство.

Будучи его потенциальным противником, Цзян ХаньЯ не только не собирался уничтожить Инь Цичи, пока тот был слаб, но, напротив, казалось, был искренне рад видеть его рост.

Даже причина, по которой он его разыскал, заключалась вовсе не в том, что сам Цзян ХаньЯ в будущем должен был погибнуть от меча Инь Цичи.

А в том, что Инь Цичи в будущем ввергнет весь мир в пучину невыносимых страданий.

Инь Цичи никогда не встречал подобных людей.

Он не совсем понимал, как с ними правильно общаться.

Поэтому он использовал свои старые, проверенные методы: притворялся слабым, демонстрировал полную покорность, чтобы доказать свою безвредность и ничтожность.

В обычных условиях большинство людей на месте Цзян ХаньЯ остались бы вполне довольны таким поведением Инь Цичи.

Некоторые даже начали бы строить коварные планы, как использовать его в своих целях, поддавшись на привычные «благодарности, жалобы на жестокую судьбу и слова о том, что ты – единственный свет в моей темной жизни».

Посыл Инь Цичи был предельно ясен:

«В будущем я стану невероятно сильным, но сейчас ты спас меня, я бесконечно благодарен тебе, преклоняюсь перед тобой, люблю тебя и буду во всём тебе подчиняться. Будь ко мне еще добрее, и в будущем я стану твоим верным клинком».

«Я – будущий мастер, который превзойдет тебя, но сейчас ты можешь взять меня под свое крыло, сделать своим слугой, и я буду тебе беззаветно предан».

«Стоит тебе лишь немного вложиться в меня сейчас, и я, будущий великий император, стану твоей преданной собакой».

Малые инвестиции, колоссальная отдача – эта стратегия была точно по человеческим слабостям, удовлетворяя одновременно и практичность, и тщеславие. Кто бы смог устоять перед таким предложением?

Но стоило человеку поддаться, как по мере того, как Инь Цичи набирал силу, он на практике доказывал, что подобные «инвестиции сопряжены с огромным риском, и входить на этот рынок нужно с предельной осторожностью».

В конце концов, индустрия мошенничества была одной из важнейших составляющих их подземного района.

Но Цзян ХаньЯ устоял.

Его совершенно не интересовали те сигналы, которые подавал Инь Цичи, и его даже корбило от того, что тот намеренно принижал себя.

Цзян ХаньЯ был искренне рад видеть Инь Цичи сильным и выдающимся.

Но при этом он не собирался брать его под свое крыло в привычном смысле.

Инь Цичи не нужно было доказывать свою безвредность – он мог без всякого стеснения проявлять свою исключительность, силу и некоторые... не самые благородные стороны своего характера.

Более того, когда возникали какие-либо проблемы, Цзян ХаньЯ помогал ему, причем делал это совершенно безвозмездно.

Привыкнув к мертвенно-бледному, холодному свету ламп под потолком подземного района, он вдруг увидел настоящую луну.

Луна высоко висела в ночном небе – холодная и белая, но её мягкий, обволакивающий свет проливался вниз, освещая всё вокруг без исключения.

Возможно, в глазах Цзян ХаньЯ это было лишь признанием будущего соперника.

Но все его поступки в глазах Инь Цичи выглядели совершенно иначе, словно он говорил: «Боже, он просто хочет стать наследником моего трупа!»

Что ж, тогда и говорить нечего – отдамся ему целиком и полностью, вместе с телом.

Хотя Цзян ХаньЯ, возможно, еще не осознал этого в полной мере, но ничего страшного: его поверхностное сознание могло этого не знать, но подсознание точно было в курсе.

Иначе зачем бы он был так добр ко мне?

Если упростить, разве это не была взаимная симпатия?

Инь Цичи выстроил в голове безупречную логическую цепочку и в одностороннем порядке постановил, что они с Цзян ХаньЯ на самом деле любят друг друга.

Оставалась лишь одна маленькая, но существенная проблема: как подтолкнуть Цзян ХаньЯ к тому, чтобы он сам «обнаружил» этот неоспоримый факт.

Инь Цичи умудрялся делать два дела одновременно, не прекращая работы руками, и вскоре успешно извлек воспоминания белой лисы.

Воспоминания оказались хаотичными и беспорядочными, и просеивать их вручную было бы титаническим, изматывающим трудом.

Инь Цичи запустил вспомогательный ИИ и, задав необходимые условия, позволил системе провести глубокое сканирование.

По экрану замелькали бесчисленные символы, а в самом центре появилась медленно ползущая полоса прогресса.

- Теперь нам остается только ждать.

Цзян ХаньЯ кивнул, его взгляд всё еще был крепко прикован к центру экрана.

Технологии иного мира оказались невероятно полезными, и он был окончательно ими покорен.

Если бы только эти «технологии» могли послужить на благо их клана Цзян...

Пара фениксовых глаз с чуть приподнятыми уголками медленно перевела взгляд с экрана на лицо Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ испытующе, внимательно посмотрел на него.

Инь Цичи подсознательно выпрямил спину, чувствуя этот взгляд.

Цзян ХаньЯ вспомнил об их прежнем договоре.

Инь Цичи пообещал, что если в будущем достигнет стадии великого императора, то женится на ком-то из клана Цзян, а кандидатуру выберут позже – кто окажется его истинной судьбой.

Тогда все эти вещи естественным образом перейдут в собственность клана Цзян.

Впрочем, Цзян ХаньЯ считал, что вовсе не обязательно должен проиграть.

Если он победит, то в качестве условия того, что он не убьет Инь Цичи, он просто может потребовать эти технологии.

Победит он или проиграет – клан Цзян в любом случае останется в выигрыше.

Цзян ХаньЯ кивнул, чувствуя глубокое удовлетворение.

Он снова перевел взгляд на экран: полоса прогресса была полностью заполнена.

Инь Цичи положил руки на клавиатуру, нажал несколько клавиш, и на экране тут же всплыло несколько окон.

Это были фрагменты воспоминаний, которые вспомогательный ИИ отобрал согласно заданным критериям.

Инь Цичи увеличил окна и нажал кнопку воспроизведения.

На экране начали воспроизводиться фрагменты видео, снятые от первого лица – глазами самой белой лисы.

Содержание было сжато и систематизировано искусственным интеллектом, благодаря чему вся картина стала предельно ясной: сначала лиса, используя свои коварные магические техники, очаровывала жертву, затем методично стирала её память и незаметно подстраивала всё так, чтобы душа постепенно, почти неощутимо отделялась от тела. Со стороны это выглядело как развитие тяжелой, неизлечимой болезни.

А после этого она запечатывала души обманутых женщин в иллюзиях, скрытых внутри книг, и оставляла эти книги в самых разных, труднодоступных местах.

Всё было изложено с пугающей четкостью, а в конце видеоряда следовала текстовая сводка, составленная ИИ, в которой были собраны все ключевые сведения и детали.

Инь Цичи также задействовал стоящий рядом детектор: после быстрого обмена данными прибор сгенерировал детальную голографическую карту, на которой были отчетливо отмечены точки расположения всех разбросанных книг.

Даже если бы белая лиса сама, во всех подробностях, призналась в содеянном, яснее и полнее картина не стала бы.

Морда лисы была обращена прямо к экрану; она уже давно оцепенела от глубокого шока, вызванного мощью высоких технологий.

Что... что это вообще такое?

Ведь в этих предметах нет ни капли духовной энергии, это просто обычные, примитивные мирские вещицы! Как они могут... как они вообще могут обладать такой сокрушительной силой?!

Будучи коренным обитателем мира культивации, белая лиса совершенно ничего не понимала в происходящем и пребывала в полном отчаянии.

Всё, на что она могла полагаться в этой ситуации, – это информация о жертвах, которая была её единственным рычагом давления. А теперь противнику даже не нужно было её допрашивать или пытаться – он просто взял и вытащил все секреты из её головы сам?!

Раз так, то какое право она теперь имеет торговаться с этими культиваторами?

Белая лиса в панике попыталась сбежать, но не успела она дернуться всего пару раз, как датчик мозговых волн мгновенно уловил её движения и без всяких церемоний выпустил мощный разряд тока.

Её белоснежная, некогда роскошная шерсть в нескольких местах мгновенно обгорела.

Лиса замерла, парализованная страхом и болью.

Инь Цичи не спеша, почти ласково произнес:

– Осторожнее. Если будешь дергаться, снова получишь удар током.

– Я выставил мощность на максимум, – невозмутимо добавил он. – Может быть, немного больно.

Ну, самую малость.

Белая лиса в мыслях закричала: «Да пошел ты к черту!»

Немного?!

Если бы на её месте была обычная лиса, её бы просто убило на месте!

Хотя белая лиса и обладала демонической силой, сейчас она всё равно лежала при смерти, совершенно беспомощная.

Ведь демонические звери больше всего на свете боятся молний и электричества.

Даже если это была обычная молния, лишённая дыхания Небесного Дао, вред от неё был гораздо сильнее, чем от любой другой магической атаки.

Это был удар точно в самое слабое место.

Белая лиса окончательно присмирела и больше не смела даже шевелиться.

Пока Инь Цичи продолжал искать в памяти лисы конкретный способ развеять созданные ею иллюзии, Цзян ХаньЯ успел отлучиться и собрать все те полтора десятка книг.

Благодаря точной наводке детектора он справился с этой задачей очень быстро.

– Достаточно использовать её кровь, – сказал Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ молча кивнул и передал собранные книги Инь Цичи.

Он был выходцем из другого мира и не мог пользоваться здешними магическими техниками, поэтому в подобных тонких делах ему приходилось полностью полагаться на Инь Цичи.

Вскоре души всех пострадавших женщин наконец выбрались из плена книг и вернулись – каждая в свой дом, каждая в своё тело.

Все они были простыми смертными, и после такого жуткого потрясения их здоровье будет оставаться слабым еще очень долго.

Но это всё же было бесконечно лучше, чем быть использованными до последней капли жизненной силы, а затем съеденными голодной белой лисой.

На месте осталась лишь лежащая при смерти, жалко сжавшаяся белая лиса.

- Ты ведь умеешь создавать иллюзии, верно? – голос Цзян ХаньЯ звучал абсолютно равнодушно, но белая лиса почувствовала, как в её душе забрезжил слабый луч надежды.

Раз её не прикончили сразу, значит, хотят использовать!

У неё всё еще есть шанс выжить!

Белая лиса тут же принялась усердно и подобоострастно расхваливать себя:

- Конечно! О, я могу стать вашим верным контрактным духовным питомцем! Если пожелаете, я с радостью погружу ваших противников в глубочайшую иллюзию. Если их воля окажется слабой, у них наверняка возникнет сердечный демон, что окончательно помешает их практике и разрушит их путь!

Создание иллюзий было главным, самым сильным козырем белой лисы.

Если бы она не получила тяжелые ранения при первой же встрече, то немедленно погрузила бы и Цзян ХаньЯ, и Инь Цичи в морок и воспользовалась бы этим шансом, чтобы сбежать.

Эта способность была коварной и непредсказуемой: те, чья воля была хоть немного слаба, либо надолго застревали в иллюзии, либо, даже выбравшись из неё, продолжали грезить тем, что видели внутри, что в итоге и порождало губительного сердечного демона.

Цзян ХаньЯ совершенно не впечатлился её словами.

На экране рядом отображалось, что белая лиса съела сердца и печень двадцати трех мужчин и поглотила души четырнадцати женщин.

И зачем вообще нужен такой злобный дух в качестве духовного питомца?

Даже если использовать её как шарф – и то она будет приносить одни несчастья.

Он задумался, словно взвешивая все «за» и «против», а затем медленно произнес:

- Что ж, я дам тебе один шанс.

Провозившись таким образом пол-ночи, они встретили рассвет: небо на востоке начало

постепенно светлеть, и первые утренние лучи пробились сквозь окно комнаты.

- Сегодня я отправляюсь в путь на корабле, - сказал Цзян ХаньЯ. - Если до того момента, как летающая лодка прибудет в секту Летящей Радуги, ты сможешь создать такую иллюзию, из которой я не смогу выбраться, значит, ты представляешь для меня некоторую ценность. Если же нет - не вини меня за то, что произойдет.

Если существо действительно ценно, его можно взять под жесткий контроль и использовать в своих целях долгое время.

Белая лиса решила, что Цзян ХаньЯ просто хочет испытать её способности в деле, и такие условия её вполне успокоили.

По крайней мере, её жизнь теперь была почти в безопасности.

А что касалось создания иллюзии, из которой Цзян ХаньЯ не смог бы выбраться, - для неё это было проще простого.

В жизни каждого человека, каким бы сильным он ни был, есть свои навязчивые идеи и скрытые желания.

Иногда люди, даже осознавая, что всё вокруг - лишь ложь, не желают покидать сладкую иллюзию, продолжая грезить ею вечно, что в конечном итоге и превращает её в сердечного демона.

Белая лиса мастерски владела искусством игры на «человеческих слабостях», умела «читать людей» и виртуозно использовать «дипломатические уловки».

Глядя на невозмутимого Цзян ХаньЯ, она сверкнула темным, предвкушающим огоньком в своих узких глазах.

Если удастся воспользоваться этим шансом и узнать истинную слабость этого человека...

Даже если не получится его убить, можно будет навсегда перекрыть ему путь к совершенствованию!

Когда пришло время, они с билетами поднялись на борт.

Инь Цичи, промышлявший грабежом грабителей, раздобыл несколько билетов. Он выбрал два в средний класс, а при посадке, в спешке, повысил их до кают высшего класса.

Всё равно деньги были краденными, так что тратить их было совершенно не жалко.

Летающая лодка не направлялась напрямиком в секту Летящей Радуги; по пути она должна была делать остановки в разных пунктах, а секта была конечной станцией маршрута.

Весь путь должен был занять около месяца.

Летающая лодка плавно, почти неощутимо поднялась в воздух. Многие из тех, кто впервые поднялся на борт, с восторгом столпились у окон, любуясь бескрайним облачным морем.

Впрочем, в каютах высшего класса имелся собственный иллюминатор.

Золотые блики солнца, клубящиеся белоснежные облака – зрелище было поистине прекрасным.

Однако ни Цзян ХаньЯ, ни Инь Цичи не были настроены любоваться красотами природы.

– Создавай иллюзию, – скомандовал Цзян ХаньЯ.

Белая лиса поначалу была полна абсолютной уверенности.

Однако с течением времени она постепенно начала покрываться холодным потом.

Сначала она применила базовый «набор из четырех»: власть, красавицы, богатство и слава – то, в чем труднее всего ошибиться, так как это основа человеческих желаний.

Цзян ХаньЯ быстро раскусил этот обман и с легкостью выбрался из иллюзии.

Белая лиса не придавала этому большого значения.

Цзян ХаньЯ с первого взгляда казался молодым господином из великого клана, для которого отсутствие нужды в подобных приземленных вещах было вполне естественным.

Тогда началась вторая иллюзия.

Стать бессмертным!

Это было заветным, высшим желанием почти любого культиватора.

Кто из них не мечтал вознестись, обрести бессмертие и получить бесконечную жизнь?

Однако и это провалилось?

Белая лиса просто не могла в это поверить.

Что не так с этим человеком?!

Бесконечная жизнь, абсолютная свобода и безмятежность – и его это даже не тронуло?

Тогда... сила?

В этот раз Цзян ХаньЯ задержался в иллюзии чуть дольше.

Сердце белой лисы радостно екнуло.

Но, увы, она слишком рано начала праздновать победу: не прошло и времени, затраченного на воскурение одной палочки благовоний, как Цзян ХаньЯ вновь успешно развеял иллюзию.

Как такое вообще возможно?!

До прибытия в секту Летящей Радуги оставалось совсем немного времени, и белая лиса в полном отчаянии металась из стороны в сторону.

Её взгляд, устремленный на Цзян ХаньЯ, был полон недоверия и жгучей злобы:

«Раз ты такой бесстрастный и равнодушный, зачем ты вообще стал культиватором?

Лучше бы побрил голову и ушел в монахи!

Точно стал бы буддой с таким лицом».

Цзян ХаньЯ не обращал на неё особого внимания. Выйдя из иллюзии, он по-прежнему сидел, скрестив ноги, и тихо погрузился в глубокое созерцание.

Способность белой лисы создавать иллюзии была действительно сильна, но как бы реалистичны они ни были, всё это оставалось лишь искусной ложью.

Единственной истинной навязчивой идеей Цзян ХаньЯ было восхождение по пути боевых искусств.

Сила, безусловно, связана с боевыми искусствами: в конце концов, чем выше мастерство, тем больше мощь.

Но эти понятия не были тождественны.

Восхождение по пути боевых искусств означало овладение огромным количеством правил, связанных с силой, и постижение великого числа тайн мироздания.

В иллюзиях, созданных белой лисой, ничего этого не было.

И это было естественно, ведь лишь реальный мир обладает подобными вещами.

Если бы в иллюзиях лисы присутствовало истинное понимание законов, она бы давным-давно сама стала бессмертной.

Цзян ХаньЯ вспоминал только что пережитую иллюзию.

Он обладал бесконечной силой, способной заставить весь мир пасть к его ногам.

Одним лишь движением мысли он мог передвигать горы и осушать моря.

Но источник этой силы был пуст, в нем не было твердой опоры в виде правил и глубокого понимания боевых искусств.

Цзян ХаньЯ не испытывал никакой привязанности к такой пустой силе.

Иллюзия, по сути, постоянно оттачивала его состояние духа, позволяя яснее осознать, чего он хочет на самом деле.

Не силы, не власти, не денег, не красавиц и не славы.

А исследования.

Исследования новых, неизведанных тайн боевых искусств.

Рост силы был для него лишь побочным продуктом этого пути.

Закалка характера, по сути, и есть поиск своего истинного «я».

Многие застревают в сетях денег, славы и страстей, и их истинная природа погребается под слоями желаний так глубоко, что в конечном итоге они не могут ни найти её, ни осознать.

У Цзян ХаньЯ таких проблем не было.

Впрочем, он не гордился этим, понимая, что ему во многом просто повезло.

Он – сын главы клана Цзян, обладающий выдающимся талантом к практике; всё то, к чему другие стремятся всю свою жизнь, он получил с самого рождения.

Привыкнув к такому высокому положению, он естественным образом избавился от навязчивых желаний.

Что же касалось красоты, то, глядя на свое отражение в зеркале каждый день, он привык к нему и не видел в красоте ничего, к чему стоило бы стремиться.

Цзян ХаньЯ всё отчетливо понял. В этот самый миг его внутреннее сияющее белое человекоподобное мистическое ядро внезапно стало намного изящнее и прозрачнее.

Это был не континент Черной Черепахи, он был не из этого мира, поэтому не мог совершить полноценный прорыв в ранге здесь.

Но это не имело значения.

Цзян ХаньЯ окончательно осознал, чего он хочет.

Прежде его истинная природа была скрыта под грузом множества запутанных дел и тревог.

Например: сможет ли он победить в противостоянии с Инь Цичи; грядущий хаос мистических зверей; разрушенное наследие великого императора клана Цзян на осколках континента; почему Инь Цичи в конце концов решил свергнуть мир в пучину страданий; повторится ли трагедия...

Предвиденное будущее смущало дух Цзян ХаньЯ, и хотя в обычной жизни он этого не замечал, это незримо давило на него, принося тяжесть.

Теперь же он полностью избавился от этих тревог, чувствуя невероятную легкость во всем теле.

Он открыл глаза и посмотрел на белую лису.

- Время вышло, - произнес Цзян ХаньЯ. - Ты проиграла.

Он поднял руку, намереваясь покончить с ней, но, уже приготовившись, вдруг о чем-то задумался и вопросительно взглянул на Инь Цичи:

- Ты собираешься использовать её, чтобы войти в иллюзию?

Инь Цичи был слишком занят тем, что быстро стучал по клавиатуре.

Всё, что происходило с Цзян ХаньЯ после погружения в иллюзию, транслировалось на экран через восприятие белой лисы.

Чтобы обеспечить максимальный эффект присутствия, Инь Цичи даже установил на лису специальный сканер, способный создавать псевдоголографический эффект.

Цзян ХаньЯ решил, что Инь Цичи хочет перенять его опыт прохождения иллюзий, и не стал возражать.

Но Инь Цичи был занят созданием полноценного голографического диска.

Процесс уже перешел в стадию финальной упаковки данных.

- Не нужно.

Сам сделаю - сам и воспользуюсь.

У него уже есть настоящая голография, зачем ему какая-то фальшивая иллюзия?

Цзян ХаньЯ кивнул.

Белая лиса - всё.

<http://bllate.org/book/17943/1720839>